

*Посвящается Дэвиду, Марине
и всем людям искусства*

**ЛЮБОЙ ПРОЕКТ СОСТОИТ
ИЗ СЕМИ ЭТАПОВ:**

- 1. ОСОЗНАНИЕ**
- 2. СОПРОТИВЛЕНИЕ**
- 3. СМИРЕНИЕ**
- 4. РАБОТА**
- 5. РЕФЛЕКСИЯ**
- 6. МУЖЕСТВО**
- 7. ДАР**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Жизнь подавляет
и сокрушает душу,
а искусство напоминает
о ее существовании.*

СТЕЛЛА АДЛЕР

1

Он был не первым моим музыкантом, этот Арки Левин. И не самым успешным. В основном к его возрасту потенциал либо истощается, либо реализуется. Но это история не о потенциале. Это история о совпадении. Такое случается куда реже, чем вы думаете. Я слышала, что Бог пользуется случайными совпадениями, чтобы оставаться в тени. Но настоящее совпадение — это нечто большее. Нечто такое, что, однажды возникнув, приведет к непредсказуемому эффекту. Человеку свойственно восхищаться, когда событие уже осталось в прошлом. Я же всегда полагал, что предвидеть гораздо практичнее.

Сейчас весна две тысячи десятого года, и одна из моих художниц занята проектом в нью-йоркском музее. Не в великом Метрополитен и не в Гуггенхайме, какой бы невозмутимой и чудаковатой она ни была. Нет, музей, где работает сейчас моя художница, — простое белое пространство. Само собой, пространство весьма оживленное. Вибрирующее. Но прежде чем мы к нему перейдем, позвольте мне описать место действия.

С обеих сторон этот великий город окаймляют реки, и солнце встает над одной, а садится над дру-

гой. Там, где по берегам озер и ручьев когда-то росли дубы, канадские сосны и пихты, теперь с севера на юг протянулись авеню. Пересекающие их улицы в основном идут с востока на запад. Люди сровняли горы с землей, наполнили водой озера. Самый легкоузнаваемый городской силуэт современного мира создают теперь высотные здания.

По тротуарам снуют люди и собаки, грохочет метро, день и ночь сигналият желтые такси. Как и в предыдущие десятилетия, люди мало-помалу смиряются с недалекновидностью своих инвестиций и некомпетентностью своего правительства. Зарботки такие же низкие, как посадка джинсов. Быть худым — модно, а толстым — нормально. Жить — дорого, а болеть — совсем уж не по карману. Витает ощущение, будто в мире вот-вот наступит климатический, финансовый, религиозный хаос и окончательное перенаселение. В частной жизни большинство людей по-прежнему хотят хорошо выглядеть и приятно пахнуть, иметь друзей, чувствовать себя комфортно, зарабатывать деньги, испытывать любовь, наслаждаться сексом и не умирать раньше времени.

И тут мы подходим к Арки Левину. Ему хотелось бы думать, что он стоит особняком от всякого сброда благодаря своей тонкой музыкальной натуре. До недавних пор он верил, что годы хорошей еды, хорошего вина, хороших фильмов и хороших врачей, любовь хорошей женщины, хорошая генетика и вообще доброкачественная, правильная жизнь обезболивает его от заурядных страданий.

Сегодня первое апреля, но Левин в своей квартире на Вашингтон-сквер игнорирует эту юмористическую дату. Если бы сегодня поутру кому-нибудь вздумалось его разыграть, он был бы дезориентиро-

ван — возможно, на несколько часов. Пентхаус залит утренним солнцем. Ригби, пушистая серая кошка, распласталась на диване, вытянув лапы далеко за голову. Левин, напротив, сжался в комок над концертным роялем «стейнвей», пальцы его покоятся на клавиатуре. Он так неподвижен, что вполне может сойти за марионетку, ожидающую, когда ее наконец дернут за веревочку. На самом же деле Левин ожидает, когда его посетит идея. В этом месте обычно появляюсь я, но Левин уже много месяцев сам не свой. Чтобы писать музыку, ему нужно выкарабкаться из трясины несбывшихся надежд. Каждый раз, совершая очередной прыжок, он недотягивает.

Мы с Левином знаем друг друга давным-давно, и когда он в таком состоянии, до него порой не достучаться, он слишком сильно вцепляется в колесо памяти и забывает, что у него есть выбор. О чем он вспоминает сейчас? Ах да, о вчерашнем ужине киношников.

Левин ждал вопросов. Вот почему он всех избегал и с декабря не посещал приемов. Боль была еще слишком остра. Слишком невыносима. По той же причине он игнорировал электронные письма, уклонялся от телефонных звонков и, наконец, в феврале, после одного особенно неприятного сообщения, отключил автоответчик.

А прошлым вечером ночной кошмар стал явью: три женщины поймали его в одном из углов и стали поучать и распекать. Посыпались возмутительные обвинения в том, что он безответственно бросил жену.

— Вы, кажется, не сознаете, что у меня не было выбора, — возражал Левин.

— Ты ее муж. Если бы все было наоборот...

— Она дала предельно ясные указания. Это именно то, чего она желает. Переслать вам копию ее письма?

— Но, Арки, ведь ты ее бросил.

— Нет, вовсе нет. Если кого и бросили...

— Умоляю, Арки, уж не хочешь ли ты сказать, что с тобой несправедливо обошлись?

— Ты не можешь ее там оставить.

— Чего именно вы от меня хотите? — спросил Левин. — Чтобы я привез ее домой?

— Да, ради всего святого! Да!

Все они, казалось, были ошеломлены его сопротивлением.

— Но она этого не хочет.

— Конечно, хочет! Ты просто слеп, если думаешь по-другому.

Левин извинился и ушел. Он в ярости прошагал двадцать кварталов, сознавая, что плачет, и радуясь, что никогда не выходит из дому без носового платка. На языке ощущался горький привкус беспомощности. Левин почесал шершавое пятно на руке, которое вполне могло быть опухолью. Вспомнил и о ночной потливости. Как просыпался в три часа ночи, насквозь промокший, переодевал отсыревшую пижаму, перебирался на соседнюю, свободную сторону кровати с сухими простынями. И спрашивал себя: а вдруг у него большое сердце? Если он умрет в квартире, пройдет несколько дней, прежде чем его хватятся. Разве только Ригби, которая, наверное, усядется на его труп и лишь потом до нее дойдет, что он не встает, чтобы ее покормить. Его обнаружит Иоланда, их домработница. Иоланда у них уже много лет. С тех самых пор, как Левины поженились. Лидия считала, что держать прислугу так же естественно, как хранить молоко в холодильнике. Иоланда

осталась у них и после переезда на Вашингтон-сквер. Левин не любил бывать дома, когда она приходила. Это Лидия умела вести светские беседы с продавцами, учителями и рабочими. Левин не умел.

Левин подумал, что если он умрет, то деревья в высоких глазурованных кадках на террасе, скорее всего, тоже погибнут от недостатка воды. Он встал, сварил еще кофе, разрезал вдоль луковый бейгл и сунул одну половинку в тостер. Через несколько минут она уже обуглилась. Со второй половинкой пришлось проявлять величайшую бдительность. Решив, что пора, Левин вонзил в нее нож, приподнял и, слегка поменяв положение, вернул в тостер. Почему Лидия приобрела именно эту модель тостера, которая каждое утро уничтожала его завтрак? Как это вообще возможно, что беспилотник, способный убить одного конкретного человека где-то в Пакистане, уже изобрели, а нормальный тостер — нет?

Поставив тарелку и чашку в раковину, Левин вымыл руки и, тщательно вытерев их, вернулся к роялю. На пюпитре стояло изображение японки с длинными иссиня-черными волосами и ярко-зелеными глазами. Ему хотелось написать для нее что-нибудь завораживающее. Несколько дней назад он решил, что подойдет флейта. Но все, что он сочинял, напоминало «Миссию». Левин снова чувствовал себя новичком, перебирающим старые мелодии, пробуящим модуляции, которые не работают, и гармонии, которые дразнят, а затем ускользают.

В общем, на несколько часов Левин погрузился в процесс, перейдя от «стейнвея» в гостиной, где родилось столько идей, в свою студию в западной части квартиры, с клавиатурой «Курцвейл», динамиками «Бос» и двумя «аймаками», благодаря которым

в его распоряжении имелись любые инструменты. Он прихватил с собой рисунок тушью и вернул его на пробковую доску, где были приколоты листы раскадровки в том же узнаваемом стиле. Тут имелись и другие изображения этой японки. На одной иллюстрации она склонялась над водоемом в зеленом платье, переливавшемся, как рыба чешуя. На второй протягивала руку к носу огромного белого медведя. На третьей шагала с ребенком по заснеженной тропинке, единственным цветным пятном на которой были красные листья.

Левин переключился на клавиатуре с флейты на скрипку, прослушал те же переходы от си и фа к ля минору. Но скрипка не годилась. Слишком она цивилизованная для леса и реки. Я предложил альт, но он отмахнулся от моего совета, сочтя альт чересчур меланхоличным. Но разве не меланхолию он искал?

Это я посоветовал ему взяться за музыку к мультфильму, ведь одиночество может служить некой разновидностью удовлетворения, если ты обитаешь в сказке, но не в том случае, когда ты — творческий работник, живешь в Нью-Йорке и веришь, что твои лучшие годы еще впереди. Творческие личности упрямы. Они такими и должны быть. Даже если ничего не получается, единственный способ справиться с этим — работать, работать, работать.

Я обратил внимание Левина на уличный вид. Он подошел к окну и увидел фонтан на Вашингтонсквер, в котором ослепительно искрился солнечный свет. На аллеях цвели лиловые тюльпаны. Левин снова взглянул на аудиофайл на экране. Я напомнил ему о вчерашнем вечере — до того, как три женщины приперли его к столу. Левин сел со своим старым наставником Элиотом, и тот рассказал ему про вы-

ставку Тима Бёртона в МоМА. Я собирался показать ему вовсе не Бёртона, но это был единственный способ затащить его в музей. Хотя к моим музыкальным советам Левин не прислушивался, остальным внушениям он поддавался.

— Тебе придется подождать, — сообщил Левин японке, но с таким же успехом мог бы обратиться ко мне. В спальне он выбрал любимую синюю куртку «Бен Шерман» и темно-серые кеды «тимберленд».

Сел на электричку, вышел на Пятой авеню, пересек улицу и вошел в Музей современного искусства. Лидия ежегодно покупала им годовой абонемент, поэтому он миновал длинную очередь за билетами. Узкий коридор, ведущий на выставку Бёртона, был заполнен людьми. Левина мгновенно окутало тепло тел и гул голосов. Уже через несколько минут изображения заштопанных синих женщин с длинными конечностями и пустыми, панически распахнутыми глазами начали вызывать у него тошноту. Он с облегчением заметил табличку «Выход». Толкнул дверь, оказался в пустом коридоре. Остановился, прислонился к стене и перевел дух.

Левин уже собирался спуститься вниз, чтобы посидеть в саду скульптур, наслаждаясь солнечным светом. Но тут его привлек приглушенный шум голосов из атриума.

2

В атриуме МоМА посетители наблюдали за женщиной в длинном красном платье, сидевшей за столом. Это был стол светлого дерева с такими же стульями, будто только что из «Икеа». Напротив женщины